

[Culture studies. XX century. Dictionary]. Saint Petersburg, 1997, p. 258.

3. *Gey Vladivostok* [Gay Vladivostok]. Available at: regions.bluesystem.org/gay_vladivostok/ (accessed 12 May 2016)

4. *Gey-znakomstva Yekaterinburg* [Gay-meetings Yekaterinburg]. Available at: date.bluesystem.ru/gay/ekaterinburg (accessed 12 May 2016)

5. *Gey Moskva* [Gay Moscow]. Available at: regions.bluesystem.org/?board=1 (accessed 12 May 2016)

6. Gerd A.S. O lingvisticheskom podkhode k ponyatiu «zhargon» [On the linguistic approach to the notion of slang]. *Slovo v slovar i diskurse: sb. nauchn. statey k 50-letiyu Kharri Valtera* [Word in Dictionary and Discourse: collection of scientific works on Harry Walter's 50th anniversary], Moscow, 2006, pp. 201–208.

7. Grachov M.A. *Slovar tys'acheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazhenii* [Dictionary of a thousand-year-old Russian argot: 27 000 words and expressions]. Moscow, 2003. 1120 p.

8. Grachov M.A. *Lingvokriminalistika* [Lingvocriminalistics]. Nizhny Novgorod, 2009. 280 p.

9. Ierasov B.S. *Sotsialnaia kulturologiia* [Social cultural studies]. Moscow, 1996. 591 p.

10. Kon I.S. *Liki i maski odnopoloi lyubvi. Lunny svet na zare* [Faces and Masks of Homosexual Love. Moonshine at Dawn]. Moscow, 2003. 547 p.

11. Korovushkin V.P., Antonova L.A. Osobennosti substandartnoy leksicheskoi derivatsii v sotsiolekte marginalnoy subkultury gomoseksualistov SShA [Special features of substandard lexical derivation in the social dialect of the US homosexuals' marginal subculture]. *Slovo v slovar i diskurse: Sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu Kharri Valtera* [Word in Dictionary and Discourse: collection of scientific works on Harry Walter's 50th anniversary]. Moscow, 2006. pp. 261–268.

12. Korovushkin V.P., Konopleva I.N. *Affiksatsiia v leksicheskoi substandarte angliiskogo iazyka natsionalnogo perioda* [Affixation in the English lexical substandard of the national period]. Cherepovets, 2016. 213 p.

13. Korovushkin V.P. *Lingvosubkulturologiia ili subkulturologiia: k razrabotke novogo napravleniia v iazykoznanii* [Linguistic subculture studies or subcultural linguistics: on the development of a new trend in linguistics]. *Problemy porozhdeniia i vospriyatiia rechi: Materialy XIII vyeznoi shkoly-seminara* [Problems of speech production and perception: materials of XIII field school-seminar]. Cherepovets, 2015, pp. 133–143.

14. Krombach T. *Zhargon gomoseksualistoi* [Homosexuals' slang] (Rusistika, Berlin, 1994, № 1–2, pp. 124–132). Available at: www.philology.ru/linguistics2/krombach-94.htm (accessed 31 May 2016)

15. Kurchashova T.V. *Sotsiodinamika subkultury: sushchnost, atributy, sotsialnie roli: diss. ... kand. sotsiol. nauk*

[Social dynamics of subculture: essence, attributes, social roles. Dr. diss]. Tambov, 2004. 207 p.

16. Legendre P. *Polozheniie geiev i lesbiyanok v sovremennoy Rossii. Issledovatel'skii otchet Pola Lezhendra* [The status of gays and lesbians in Russia today. Paul Legendre's research report]. Moscow, 1997. 86 p.

17. Lawson T., Garrod J. *Sotsiologiya. A–Ya: Slovar-spravochnik* [A–Z Sociology Handbook]. Moscow, 2000. 608 p.

18. Maklovski T., Klyayn M., Shchuplov A. *Zhargon-entsiklopediya seksualnoi tusovki dl'a detei ot 18 do 80 let i dalshe* [Slang-encyclopedia of the sexual set for the children from 18 to 80 years old and over]. Available at: www.gay.ru/style/slang/sleng_index.html (accessed 30 May 2016)

19. Mokiienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoi slovar russkogo zhargona* [The Unabridged Dictionary of Russian Slang]. St.-Petersburg, 2000. 720 p.

20. Nikitina T.G. *Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar: ok. 20 000 slov i frazeologizmov* [Youth slang: an explanatory dictionary: approx. 20 000 words and expressions]. Moscow, 2009. 1102 s.

21. Osokin Iu.V. *Sovremennaya kulturologiia v entsiklopedicheskikh statiakh* [Modern culture studies in encyclopedic entries]. Moscow, 2007. 384 p.

22. Ryabichkina G.V. *Komparativnyi analiz prezentatsii substandartnykh leksem v angliiskikh substandartnykh i russkikh prostorechnykh slovaryakh* [Comparative analysis of the introduction of substandard lexical units to English and Russian substandard dictionaries]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [The almanac of modern science and education]. Tambov, 2012. № 9 (64), pp. 185–187.

23. Ryabichkina G.V. *Tipy pomet v «Slovar slenga i nestandartnogo angliiskogo iazyka» E. Partridzha (sotsioleksikograficheskii analiz)* [Types of the markers in E. Partridge's A Dictionary of Slang and Unconventional English (social lexicographical analysis)]. *Vestnik TGU* [Newsletters of TSU]. 2008. Vyp. 11 (67), pp. 220–225.

24. *Subkultura* [Subculture]. *Bolshoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar (Collins)* [Collins Dictionary of Sociology]. Vol.2. Moscow, 1999. 528 c.

25. Partridge E. *A Dictionary of Slang and Unconventional English*. London, 1982. XXIX, 1400 p.

26. Reid L. *Talk the Talk: The Slang of 65 American Subcultures*. Cincinnati: Writer's Digest Book, 2006. 422 p.

27. *The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English*. Ed. by Tom Dalzell. NY & L., 2009. X, 1105 p.

28. Thorne T. *Dictionary of Contemporary Slang*. London, 2007. 513 p.

29. Wentworth H., Flexner B.S. *Dictionary of American Slang*. NY., 1975. XVIII, 766 p.

УДК 82-31

Н.С. Жернова

Вологодский государственный университет

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Ю.В. Розанов

СИМВОЛИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА «КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ»

В статье рассматриваются женские образы повести «Крестовые сестры» А. Ремизова. Проблематика «женственного» связана с поисками нравственного идеала и является одной из основных в его творчестве. Анализ психологических взглядов Ремизова на женщину, которые отражены в художественных образах его книг, помогает понять особенности его мировосприятия и глубинные процессы общества.

В данной работе, с опорой на классификацию Ю. Лотмана, выделено три типа героинь у автора – страдальца, героическая, демоническая женщины. Они многократно переплетаются, создавая смежные – страдающей героини, падшей мученицы.

Женские образы, сестры по кресту, падшая мученица, героиня, нравственный идеал, А.М. Ремизов.

The article deals with female images in the A.M. Remizov's novel «Sisters of the cross». The problem of "feminine" is linked with the search for a moral ideal and it is one of the major themes in the author's work. The analysis of the Remizov's views about the women reflected in his characters helps to understand the peculiarities of his perception of the world, as well as the underlying processes taking place in society and in the public consciousness more accurately.

In this paper, relying on the classification of Y. Lotman, three types of images in the author works are highlighted: martyrs, a heroine, demonic woman. These types vary and interwoven, creating a contiguous, overlapping types of suffering heroine, fallen martyrs.

The author concludes that suffering, missed, martyrdom are the "crosses" those heroines of the novel exchanged.

Women images, sisters of the cross, martyr, heroine, moral ideal, A.M. Remizov.

Введение

Повесть «Крестовые сестры» была написана А.М. Ремизовым под впечатлением обвинения в плагиате, прозвучавшего на страницах газеты «Биржевые ведомости» 16 июня 1909 г. в статье «Писатель или списыватель?», подписанной псевдонимом Мих. Мирон. Работа над повестью стала своего рода психотерапевтическим актом, позволившем Ремизову компенсировать тяжелую депрессию как следствие этого обвинения [3, с. 114]. Сам писатель так характеризовал свое психическое состояние при написании «Крестовых сестер»: «Должно быть больше такого не напишу по напряжению, по огорчению против мира. Теперь спокойнее подхожу ко всему и сверху, а не изнутри» [5, с. 109]. Огорчение против мира – одна из основных идей произведения. Поистине «страшной мезьей» обидчикам становится повесть «Крестовые сестры». Напечатана она была в 1910 г. в литературно-художественном альманахе популярного в то время издательства «Шиповник».

Лейтмотив повести – «Бурков двор – весь Петербург» [8, с. 111]. Здесь «Свадьбы, покойники, случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, караул и участок [...] – так всякий день» [8, с. 115] – повесть превращается в памфлет, направленный против газеты как социального явления и как жанра, против той картины мира, которая навязывается прессой читателю [3, с. 119].

В главном герое Маракулине прочитывается автобиографическое начало, Ремизов вводит в повествование и эпизод обвинения в плагиате. По мнению Е.В. Тырышкиной, «финал «Крестовых сестер» позволяет многозначно трактовать смерть главного героя, неверно было бы считать гибель Маракулина актом свободного выбора – самоубийством в знак протеста. Герой перед смертью переживает катарсис, чувство единства со всем живым, ощущает свою «потерянную детскую радость»» [13, с. 45–46]. Это сближает Маракулина с Нелидовым из «Часов» и с самим Ремизовым.

Основная часть

А.А. Данилевский отмечал, что ««Крестовые сестры» написаны для трех типов читателей: «обычного», «среднего» и «тонкого» – осведомленного в литературной жизни (в идеале – литератора), способного по разбросанным автором повести намекам дешифровать весь скрытый смысл актуальной повести»

[2, с. 104]. Раскрыть мы можем не только факты биографии автора, реальные события, но и систему художественных средств писателя.

По словам Д.П. Святополк-Мирского, «Главная тема книги «Крестовые сестры» – жестокость судьбы к «безответным», вечно невезучим существам, которые рождаются на свет лишь для того, чтобы стать жертвой жестокости и предательства» [9, с. 87]. Герои – люди без места, крестовые сестры «без собственного угла», без доверия окружающих, без поддержки. Не зря говорится в книге, что «Человек человеку бревно».

Е.В. Тырышкина отмечает, что в дореволюционной прозе Ремизов выводит три сюжетных схемы женской любви: неудачное замужество, неразделенная любовь, жертва чужой страсти [13, с. 68]. В «Крестовых сестрах» есть все эти типы: Анна Степановна, у которой муж отобрал все наследство, Вера Вехорева, нелюбимая Вакуевым, страдальцы Евгения, Верушка. Ремизов убедительно воссоздает трагические истории предельно обездоленных, чаще женщин, принявших крест мук.

Крест – предмет весьма неоднозначный: для кого-то он символизирует смерть, для кого-то – жизнь. Им благословляют и им проклинают. Его ставят на могилы и им награждают за заслуги. Культ креста пронизывают все человечество. Следует отметить, что в книгах писателя символ креста часто стоит рядом с символом петли, виселицы, имеет отрицательную окраску. Нередко употребляются выражения «крест мук», «нести свой крест». В связи с этим важно христианское представление о спасительном поклонении кресту, которое сочетается с идеей несения креста: «И подзавав народ с учениками своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Марк, VII, 34). С течением времени идея «несения креста» стала пониматься, прежде всего, как терпеливое перенесение житейских тягот и скорбей: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матфей, X, 38). Крест – покорность, он выступает предметно-метафорическим выражением страданий героев и их нелегкой судьбы.

Е.Е. Вахненко относит крест, пояс и цепи к веригам. Как известно, вериги созданы для усмирения плоти, для Ремизова же это «духовный символ: вериги, проводящие душу сквозь тернии страданий» [1]. Одна из героинь – Евгения – женский вариант Спа-

сителя, по утверждению Е.В. Тырышкиной [13, с. 45]. Неоднократно будучи жертвой насилия, Женя не обвиняет в этом никого: «А делали они то, что хотели, не потому, что лежало плохо, они делали все, на что их слепых бросало» [8, с. 169]. Женя отмаливает чужой грех, она казнит себя, нанося кресты на свое тело за покорное злу человечество.

Крест – это символ Христа. Две «руки» горизонтальной оси креста при этом означают две основополагающие идеи христианского вероучения: во-первых, прощение и искупление, во-вторых, осуждение и Божью кару. Вместе с тем две пересекающиеся оси, из которых составлен крест, представляют двойную природу Спасителя: горизонтальная ось – его земную природу, вертикальная – божественную [10, с. 43].

В образе героини Евгении – прямая отсылка к образу Марии Магдалины. Жене дано особое зрение, чувствующее сердце, она не создана для земной жизни. Она винит во грехе только себя. Здесь крест – символ мученичества, страданий за веру, ответ одного человека за зло всего человечества.

В данной работе, с опорой на классификацию Ю.М. Лотмана, выделено три типа героинь у автора – страдальца (Евгения, Верушка), женщина-героиня (Вера Кликачева), демоническая женщина (Вера Вехорева). Типы «страдальца», «жертвы», «женщины-героини», продажной женщины многократно варьируются и переплетаются, создавая смежные, пересекающиеся типы страдающей героини, падшей мученицы.

Всёцело подчинена концепции «женственной души» России поэтика повести «Крестовые сестры». Книга – галерея несчастных женских ликов, до бесконечности дробящихся, а затем складывающихся в единый образ России [7, с. 38]. Все эти несчастные, включая Серафиму Павловну, жену писателя, в строке посвящения, – сестры по кресту. Ремизов пишет: «Эти потерянные глаза бродячей Святой Руси, оробевшей, с вольным нищенством, опоясанной бедностью, все выносящей, покорной, терпеливой Руси, которая гроба себе не построит, а только умеет сложить костер и сжечь себя на костре» [8, с. 159].

«Жертвами чужой вины», как правило, и погибают герои и героини Ремизова. Жертвенность для писателя – знак высшей мудрости, доступный немногим. Женское мученичество несет на себе печать божественного света, богоизбранности. Женская любовь лишена эротики, она направлена на каждого, мужская же любовь-страсть раскрывается Ремизовым в форме бунта, это попытка порыва к свободе назло predetermined судьбе [13, с. 68]. Образы героинь в «Крестовых сестрах» скорее «бестелесны», а «поруганная красота» у автора – поруганная душа [13, с. 79].

Крестовые сестры и братья в произведениях А. Ремизова – все подъявшие вольно и невольно тяжёлую крестную ношу, все изнасилованные духовно, все распинаемые жизнью и познавшие ее ужас. Крестовые сестры и братья – не святые, не праведники; иной раз и на их лицах "что-то пречистым тает в ангельском умилении", а в сердце "какие-то паразитические насекомые гадят и кишат и безгранично царят"... [4]

Л.А. Смирнова считает, что «повесть основана на добротном бытовом материале. Убедительно воссозданы трагические истории предельно обездоленных, чаще женщин, принявших крест равных мук (отсюда название произведения). Здесь нет и следа рассуждений о миропорядке, но его страшная печать обуславливает судьбы всех персонажей. Автор пишет о людях, «приговоренных с рождения» к смерти, об ужасе ее ожидания, последних, «субботних» страданиях, без воскресения, в городе-тюрьме» [11, с. 218].

Интерпретация земной страсти как дьявольской по происхождению предстает в творчестве Ремизова как трагедия женщины, подвергающейся насилию, что прослеживается не только в повести «Крестовые сестры», но и в романе «Пруд», в повести «Часы». Женщины-героини покорны, воспринимают насилие как неизбежность, они принимают на себя чужую вину, прощают все обиды. Так, одна из них – Акумовна – не раз повторяет: «Никого обвиновать нельзя».

Земная жизнь – жизнь скорби, блаженство – за чертой земного существования. Мотив падения, изнасилованной души и тела слышен на протяжении всего произведения. Это и Вера Вехорева, продавшаяся ради славы, и страдальца Евгения, преследуемая мужчинами, и чудотворная Верушка. Вера хочет отомстить за поруганную юность, ее, буквально, захлестывает чувство мести. Ради этого она готова на все, опускается все ниже и гибнет, продавшись. В повести ее образ перекликается с образом другой Веры – чудотворной Верушки. Ее судьба страшна: в пятнадцать лет, один раз став жертвой насилия, она превращается в рабыню: «И опять пошло то же, сначала сам хозяин-буфетчик, за буфетчиком околдочный надзиратель. Как ночь, уж кто-нибудь непременно – человек по пять за ночь к ней приводили» [8, с. 149]. Ее образ Ремизов взял из заметки «Драма няньки», помещенной в газете «Биржевые ведомости» 22 февраля 1910 г. за подписью А. Потемкин. Ремизов лишь немного изменил судьбу названной в газете Екатерины В.: та не была круглой сиротой, и из притона ее спасают отец и матека. Ремизов превратил ее в «чудотворную» и отправил «в люди», тогда как девушка-прототип так и осталась дома [3, с. 124]. Третья Вера – Вера Николаевна Кликачева. Ее судьба – яркое отражение существования женщины в переломную эпоху. Женщина все еще имеет меньше прав на достойное образование, работу. Далеко не глупая, она не может учиться с легкостью: «Нелегко ей было учиться, до слез доходила, так ей все трудно давалось» [8, с. 130]. Она вечная труженица, несмотря на тяжесть Надеждинских курсов, собирается дальше в медицинский институт.

Появление в повести многочисленных Верочек может быть связано с именем В.Ф. Комиссаржевской, ее Ремизов глубоко ценил и уважал, а в 1910 г. газеты переполнены известиями об актрисе и ее смерти. С. Орлова отмечает, что у Ремизова персонаж иногда рождается «от противного». Известно, что Вера Комиссаржевская вовсе не была заносчивой и кичливой, избалованной и капризной, но именно она стала прототипом Веры Вехоревой – неразделенной любви и «нечаянной радости» Маракулина. В

истории этой содержанки, мечтающей стать великой актрисой и прогнать на весь мир, проглядывает несбывшаяся судьба бесприданницы Островского – любимого персонажа Комиссаржевской – Ларисы Огудаловой, падение которой стало не намерением, а явью [7, с. 38].

В. Марков недоумевает: «Зачем-то в романе целых три Веры, но даже если они все три «крестовые сестры», ими это сословие не исчерпывается» [6, с. 16]. На наш взгляд, автор неспроста дает трем героям произведения одно имя – Вера. Это три ипостаси одной души, изнасилованной, забитой. Каждая из них несет веру, свою истину: учиться, прославиться. Но только Верушка несет в себе божественное, возвышенное: «Маракулин встретил в глазах ее что-то такое знакомое и необыкновенно близкое, только назвать не мог, и не припомнить ему, где однажды уж видел такое: огонек какой-то, нет, еще что-то, чего уж никак не спрячешь и у сонного под веками поблескивать будет» [8, с. 147]. В этом образе – лик с иконы, лик Богородицы. В глазах он видит душу девочки – невинную и чистую. Крестовым братьям и сестрам дано особое зрение, они не могут вынести нечеловеческой муки, как не смог Маракулин, приговорив себя к смерти.

Образы всех трех Вер связаны с огнем. Чудотворную Верушку спасает из рабства пожар, с иным огнем, по мнению В.Н. Топорова, связана Вера Николаевна – огонь жизни, огонь, сжигающий жизнь, огонь страдания и сораспинания. Символ огня – в ее глазах: «Глаза ее потрясенные – бродячей Святой Руси стали как два костра, а в них – вся боль ее» [12, с. 539]. Третья Вера – Вера Вехорева – встала на путь «сжигающий»: «И глаза ее бесстыжие сверкнули, как два ножа, а распустившиеся волосы огнем ее жгли» [8, с. 162]. Вся боль крестовых сестер – в их глазах.

Выводы

Книга полна мотивов разбитой жизни, несчастной любви, безысходного горя. Крестовые сестры и братья Ремизова спрашивают постоянно: "Отец, Отец, почто еси мя оставил?" Они спрашивают Бога о своей судьбе, о доле, выпавшей им. Больше некого спросить.

Крестовые братья и сестры мучительно переживают человеческие страдания, их человеческое сердце не может вынести этой нечеловеческой неправды. Психологические мотивы, связанные с миром «униженных и оскорбленных» героев Ремизова, перекликаются с мотивами «подполья» Достоевского. Неприятность, неприютность, мученичество – вот те «крестики», которыми обменялись героини этой повести и многих книг автора.

Литература

1. Вахненко Е.Е. Монастырская изба: духовные искания А.М. Ремизова. URL: http://traditions.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8:2010-02-20-18-21-29&catid=2:2010-02-19-17-01-43&Itemid=2
2. Данилевский А.А. A realioribus ad realia // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 104.

3. Данилова И.Ф. Страшная месть: из комментария к повести А. Ремизова «Крестовые сестры» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб, 2003. С. 113–124.
4. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/ivanov_kritika/01.aspx
5. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 109.
6. Марков В. Неизвестный писатель Ремизов // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. 1986. С. 13–18.
7. Орлова С. Алексей Ремизов. Скоморох, колдун, юродивый. Между былью и небылью // Новое время. 2000. № 31. С. 37–39.
8. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2000.
9. Святополк-Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005.
10. Смирнова И. Тайная история креста. М., 2006.
11. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века. М., 1993.
12. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб, 2003.
13. Тырышкина Е.В. «Крестовые сестры» А.М. Ремизова: концепция и поэтика. Новосибирск, 1997.

References

1. Vakhnenko E.E. *Monastyrskaja izba: dukhovnye iskaniia A.M. Remizova* [Monastic hut: spiritual quest AM Remizov]. Available at: http://traditions.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8:2010-02-20-18-21-29&catid=2:2010-02-19-17-01-43&Itemid=2
2. Danilevskii A.A. A realioribus ad realia. *Uchenye zapiski Tartus. gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu State University], 1987, Vyp. 748, p. 104.
3. Danilova I.F. Strashnaia mest': iz kommentarii k povesti A. Remizova "Krestovye sestry" [Terrible Vengeance: the commentary to the novel by Alexander Remizov "Crosspoint Sisters"]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Alexei Remizov: Research and Materials]. St. Peterburg, 2003, pp. 113–124.
4. Ivanov-Razumnik R.V. *Tvorchestvo i kritika. Stat'i kriticheskie. 1908–1922* [Creativity and criticism. Articles critical. 1908–1922]. Available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/ivanov_kritika/01.aspx
5. Kodrianskaia N. *Aleksei Remizov* [Alexei Remizov]. Parizh, 1959, p. 109.
6. Markov V. Neizvestnyi pisatel' Remizov [Unknown writer Remizov]. *Aleksei Remizov. Approaches to a Protean Writer*, 1986, pp. 13–18.
7. Orlova S. Aleksei Remizov. Skomorokh, koldun, iurodivyi. Mezhdubyl'iu i nebyl'iu [Alexei Remizov. Buffoon, witch, whacky. Between fiction and into reality]. *Novoe vremia* [New time], 2000, № 31, pp. 37–39.
8. Remizov A.M. *Sobr. soch. T. 4. Plachuzhnaya kanava* [Coll. Op. T. 4. Plachuzhnaya ditch]. M., 2000.
9. Sviatopolk-Mirskii D.S. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [The history of Russian literature from the earliest times to 1925]. Novosibirsk, 2005.
10. Smirnova I. *Tainaia istoriia kresta* [The Secret History of the Cross]. Moscow, 2006.
11. Smirnova L.A. *Russkaia literatura kontsa XIX–nachala XX veka* [Russian Literature late XIX–early XX century]. Moscow, 1993.
12. Toporov V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg Text of Russian literature]. St-Petrburg, 2003.
13. Tyryshkina E.V. "Krestovye sestry" A.M. Remizova: kontseptsii i poetika ["Crosspoint sisters' AM Remizov: Concept and poetics]. Novosibirsk, 1997.